

RU

Лингвоаксиологический аспект изучения корреляции диалектных дериватов с суффиксом -уш/а с ценностной парадигмой пространства православной духовности

Катышев П. А., Лушпей А. А.

Аннотация. Цель исследования – описать специфику функционирования производной диалектной лексики с формантом -уш/а в пространстве аксиологических доминант носителя русского языка. Обращение именно к русским говорам позволяет проследить механизмы экспликации системы ценностей, связанных с христианской культурой, в словообразовательной системе диалектных дериватов, в которой диалектоноситель интуитивно выбирает компоненты для вербализации не только реалий окружающего мира, но и своего отношения к ним. Научная новизна заключается в определении пейоративности значения деривата, выделяемой в контексте его употребления, что указывает на процессы языковой «стигматизации» человека, отступающего в своей повседневной деятельности от предписанных морально-этических норм, в своей основе повторяющих аксиологическую парадигму текстов Библии и Святых Отцов. В процессе исследования были выделены неоднородные по количественному составу тематические группы производных слов с суффиксом -уш/а; важно, что количество дериватов в каждой из групп отражает не высокую/низкую степень значимости того или иного аспекта жизнедеятельности человека, а ценность «должного/недолжного» поведения человека в коллективе. В результате доказано, что с помощью словообразовательного форманта -уш/а актуализируются оценки человека в православном мире в аспекте семейных и дружественных отношений, в аспекте взаимодействия с материальными ценностями, по его отношению к физическому труду, к пище и, наконец, к вере.

EN

Linguo-axiological aspect of studying the correlation between dialect derivatives with the suffix -уш/а and the value paradigm of the Orthodox spirituality space

Katyshev P. A., Lushpey A. A.

Abstract. The research aims to describe the specifics of functioning of the derivative dialect vocabulary with the suffix -уш/а in the space of axiological dominants of a Russian speaker. The involvement of Russian subdialects allows the researchers to trace the mechanisms of explication of the system of values associated with Christian culture in the word-formation system of dialect derivatives, in which a dialect speaker intuitively chooses components for the verbalisation not only of the realities of the surrounding world, but also of his attitude to them. The scientific novelty of the research lies in determining the pejorativeness of the meaning of a derivative, highlighted in the context of its use, which indicates the processes of linguistic “stigmatisation” of a person who departs in their daily activities from prescribed moral and ethical norms, in their nature repeating the axiological paradigm of the texts of the Bible and the Holy Fathers. The researchers identified thematic groups of derivatives with the suffix -уш/а that are heterogeneous in their quantitative composition; it is important to note that the number of derivatives in each of the groups reflects not a high/low degree of significance of one or another aspect of human activity, but the value of people’s “proper/improper” collective behavior. As a result, it has been proved that with the help of the word-formation suffix -уш/а, the assessments of a person in the Orthodox world are actualised in the aspect of family and friendly relations, in the aspect of interaction with material values, in their attitude to physical labour, food and, finally, to faith.

Введение

Актуальность темы исследования обусловлена изучением процессов экстраполяции аксиологической парадигмы человека на языковенное пространство окружающего мира. В предисловии к коллективной монографии «Общая и русская лингвоаксиология» М. С. Милованова указывает на значимость такого подхода: «Идея оценки и представление о ценностях находят отражение в семантике языковых единиц разных уровней: включенные в речевой акт, они репрезентируют ценностные доминанты говорящего – вневременные или соответствующие формату “Я – здесь и сейчас”» (Общая и русская лингвоаксиология, 2022, с. 8).

Рассмотрение аксиологического потенциала языковых единиц зависит от уровня языка, на котором они изучаются, и от поставленных исследовательских задач, потому в центре научного внимания оказывается последовательное описание аксиологии в лексике, грамматике и дискурсе (Милованова, 2021). Отдельный интерес представляют работы, в которых материал, рассматриваемый изначально в его сугубо языковом воплощении, требует привлечения терминологии и методов смежных дисциплин, в связи с чем формируется междисциплинарный подход к изучению аксиосферы уже русской культуры и менталитета, что сопряжено в том числе с ответом на вопрос об универсальности для лингвокультур выраженности в языке «представления о том, что хорошо, а что плохо» (Кузьмина, 2022, с. 327). Так, при рассмотрении деривационных процессов в медиапространстве, спецификой которого является быстрое реагирование на изменения в общественной жизни человека, привлекается термин «социально значимые» (Рацибурская, 2020), референсный диапазон которого находится в сфере социологии. «В современном мире аксиология, наука о ценностях, выходит за рамки философских учений и рассматривается с разных позиций и подходов в таких науках, как социология, психология, культурология, антропология, педагогика и пр. В последние годы аксиология особенно часто взаимодействует с лингвистикой, что обусловлено невозможностью усвоения, наследования и передачи ценностных смыслов без непосредственного участия языка в истории человеческой культуры» (Небера, 2023, с. 34).

Вместе с тем процессы словообразования в русском языке в силу своей функциональной специфики рассматриваются в самых разных аспектах жизнедеятельности носителей языка. Пространство православного мира оперирует своими языковыми единицами, к которым относятся не только лексемы, репрезентирующие религиозную концептосферу (Кузьмина, 2021), но и специфичные словообразовательные единицы, употребляемые для номинации объектов и явлений пространства православной духовности (Феликсов, 2022). Религия, религиозные обряды, священные тексты являются важными компонентами для носителя диалекта в силу изначальной своей ориентации на выстраивание аксиологической парадигмы. «Религия мыслится верующим как связь между высшей и вечной сущностью (Абсолютом, Богом, богами) и людьми. Эта связь состоит в том, что Абсолют сообщил людям самое главное знание и между Абсолютом и людьми установился своего рода договор: люди стремятся жить, руководствуясь главным знанием, полученным от Бога, и надеясь на его помощь, поддержку, награду свыше, в том числе в некоторых религиях – на иную, вечную жизнь» (Мечковская, 1998, с. 4).

Изучение производной лексики русских народных говоров в аспекте их корреляции с аксиологической парадигмой православного мира представляет важную часть лингвистических исследований, потому что именно в диалектных дериватах человек, их производящий, не ограничен рамками кодифицированного литературного языка, а может выбирать самостоятельно интуитивно близкие и понятные словообразовательные единицы для вербализации номинативных и оценочных процессов. «По сути, это примеры того, как слова, обращенные к Библии, к церковным референтам, входили в живой русский язык и адаптировались в нем. Словообразовательные основы и форманты – как показатель “вживаемости” слова в речь» (Дубровина, 2009, с. 91).

Оценочность, заложенная прежде всего в производящей основе мотивирующего слова, зачастую актуализируется посредством присоединения форманта, имеющего свою функциональную сферу применения, которую диалектоноситель безошибочно интуитивно определяет. Суффикс -уш/а функционирует преимущественно в диалектной подсистеме русского национального языка, что позволяет соотносить мировидение православного человека и процессы номинации людей при помощи такого форманта в аспекте дихотомии «должное поведение и недолжное поведение». Важно, что такую полярность задает огромный культурный пласт русского языка, включающий как произведения устного народного творчества, так и сочинения Святых Отцов и тексты Библии.

Для достижения указанной цели исследования необходимо решить следующие задачи: во-первых, определить актуализацию оценок человека в системе ценностей православного носителя диалекта; во-вторых, установить корреляцию между вербализованной оценкой в производном слове с текстами Библии и Святых Отцов; в-третьих, обосновать пейоративность оценки, актуализируемой диалектоносителем в производной лексике.

Для анализа материала используется описательный метод, функционально-коммуникативный метод и метод оппозиций. Материалом для исследования послужили производные с формантом -уш/а, извлеченные методом сплошной выборки из словарей русских народных говоров: Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 1990. Вып. 6-7; Архангельский областной словарь / под ред. О. Г. Гецовой. М., 2001. Вып. 11; Большой толковый словарь донского казачества: ок. 18000 слов и устойчивых словосочетаний. М., 2003; Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4-х т. СПб. – М., 1881. Т. 2; Полный словарь диалектной языковой личности: в 4-х т. / под ред. Е. В. Иванцовой. Томск, 2012. Т. 4; Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 1990. Вып. 5; Словарь вологодских говоров / под ред. Т. Г. Паникаровской. Вологда, 2005. Вып. 11; Словарь областного вологодского наречия: по рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006; Словарь пермских говоров. Пермь, 2002. Вып. 2; Словарь русских говоров Карелии

и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994. Вып. 1; Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей / гл. ред. А. С. Герд. СПб., 2005. Вып. 6; Словарь русских говоров центральных районов Красноярского края: в 5-ти т. / под общ. ред. С. П. Васильевой. Красноярск, 2010. Т. 5; Словарь русских народных говоров. М. – Л. – СПб., 1966–2013. Вып. 2. Вып. 3. Вып. 5–10. Вып. 13. Вып. 15. Вып. 16. Вып. 18. Вып. 19. Вып. 21. Вып. 22. Вып. 27. Вып. 30. Вып. 35. Вып. 37. Вып. 41. Вып. 45. Вып. 46; Ярославский областной словарь / под ред. Г. Г. Мельниченко. Ярославль, 1982–1991. Вып. 2–4. Вып. 6. Вып. 10.

К источниковой базе цитирования текстов религиозного содержания, отражающих основные ценностные векторы православной культуры, относятся языковые фрагменты Библии (Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. М.: Эксмо, 2018) и сочинений Святых Отцов (Вселенский учитель св. Иоанн Златоуст архиепископ Константинопольский / сост. свящ. А. Миролюбов. М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1899; Гумеров П. Православная аскетика, изложенная для мирян. М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2010; Отечник: избранные изречения святых иноков и повести из жизни их, собранные епископом Игнатием (Брянчаниновым). СПб.: Издание книгопродавца И. Л. Тузова, 1903; Полное собрание творений святителя Игнатия Брянчанинова: в 8-ми т. / сост. и общ. ред. А. Н. Стрижев. М.: Паломникъ, 2002. Т. 4; Святого отца нашего Григория Паламы, архиепископа Фессалоникийского, изъяснение десяти заповедей // Духовная Беседа, еженедельно издаваемая при Санкт-Петербургской духовной семинарии. 1860. Т. IX; Симфония по творениям свт. Тихона Задонского / сост. Т. Н. Терещенко. М.: ДАРЪ, 2007; Творения иже во святых отца нашего Святителя Игнатия епископа Ставропольского: в 7-ми т. М.: Сретенский монастырь, 2001. Т. 7).

Теоретической базой исследования послужили публикации отечественных исследователей, в которых рассматриваются вопросы соотношения языка в целом и языковых единиц в частности и религии (Дубровина, 2009; 2011; Зеньковский, 2001; Мечковская, 1998; Русакова, 2002; Чухно, 2002).

Практическая значимость исследования заключается в его универсальности и междисциплинарности, что позволяет использовать полученные результаты при разработке образовательных программ дополнительного профессионального образования для работников этнокультурных центров и специалистов в сфере народной культуры, а также в процессе преподавания образовательных дисциплин «Словообразование», «Русский язык и культура речи», «История» для студентов высших учебных заведений.

Обсуждение и результаты

Основополагающим для описания актуализации аксиологической парадигмы языковыми единицами в пространстве православной духовности является критерий значимости ценности для диалектоносителя – принцип, положенный в основу для выделения в исследовании тематических групп дериватов. В диалектных дериватах субъект оценки чаще всего представлен имплицитно, являясь по умолчанию «демиургом» словообразовательного акта. С помощью словообразовательного форманта -уш/а в диалектных дериватах актуализируется оценка человека по его способности вступать в недолжные отношения с противоположным полом, в своей основе восходящая к заповеди «Не прелюбодействуй» (Исх. 20:14): *истаскуша*, *потаскуша* бранное, «развратный шатун, шатунья»; «позаборница, шатунья»; «развратный, преданный плотской страсти человек»; *таскуша* «распутный, особенно о женщине». Нормы поведения, отраженные в языке, могут проявляться на самых разных его уровнях, что свидетельствует о несомненном императивном их содержании для всех членов языкового коллектива. «Мы рассматриваем нормы поведения как отражение сакрального и профанного отношения к миру, включающего моральные и утилитарные стереотипы поведения, и как отражение принадлежности человека к некоей общности людей, разделяющей взгляды, ценности и нормы, т. е. исповедующей групповые особенности осознания культурных ценностей» (Карасик, 2019, с. 43).

В противоположность западному, русское мировоззрение содержит в себе философию «Мы». Русскому сознанию чуждо индивидуалистическое толкование этики. «Такая этика подчеркивает нашу взаимозависимость, необходимость искренних, заботливых, бескорыстных, терпеливых отношений между людьми» (Святого отца... изъяснение..., 1860, с. 309). Именно это предопределяет номинацию лиц, не соответствующих принятой в обществе категории нравственных ценностей, с негативными коннотациями, что эксплицируется в диалектной лексике русских говоров при номинации человека по его способности делиться с окружающими его людьми материальными ценностями. И здесь заповедь «Не укради» (Исх. 20:13) через толкования библейского текста «горе человекуоудникам, ибо они не могут угодить Богу» и текста проповеди «человекоугодием уничтожается не только любовь к Богу, но и самое памятование о Боге» (Полное собрание..., 2002, с. 257) транслирует греховность лжи, обмана, лицемерия, лести, подхалимства, что детерминирует оценочность производных: *обделуша* «кто других обделяет, обманывает по делу»; *тягуша* «о любителе торговаться, о скупом человеке»; *сдвигуша* «двуличный, хитрый, лживый человек»; *жаднуша* «жадный, завистливый»; *скупуша* и *скупыша* «то же, что скржигига»; «этот-то купуша, все жмет жмуха»; *хитруша* «хитрый человек, хитруша»; *жаднуша* «то же, что жадёба»; *забируша* «хапала, грабитель»; *хапуша* «взяточник, обирала, грабитель, несправедливый стяжатель».

Важность процессов религиозной идентичности актуализируется при обсуждении проблем мировосприятия человека в силу возможных вариантов трактовки основных установок определенного общества (Одиноченко, 2023). «Для русского менталитета чрезвычайно важны определенные русской историей и культурой представления о церковности. Это, прежде всего, альтруистические понятия о душе, грехе, покаянии, высшем суде и высшей защите» (Дубровина, 2011, с. 692). Заложенные, таким образом, в самом менталитете,

категории греха в языковом пространстве образуют семантические пересечения, проследить которые можно при анализе производной лексики с формантом -уш/а, в частности при исследовании актуализации оценки человека по его стремлению наносить вред окружающим его членам социума. Ветхозаветное «Не убий» (Исх. 20:13), «чтобы не лишиться сыноположения, дарованного тебе Животворящим мертвых, и не быть, по делам, сыном человекоубийцы искони» (Святого отца... изъяснение..., 1860, с. 274), актуализируется в акте номинации человека по его речевому поведению, потому что «осуждающий ближнего восхищает... сан Христа, Который будет судить живых и мертвых в Последний День» (Вселенский учитель..., 1899, с. 12).

«В праздных разговорах постоянно рождаются сплетни, пересуды, а порой наветы и клевета» (Гумеров, 2010, с. 18), потому такие разговоры оцениваются как нанесение вреда окружающим, следовательно, люди, вступающие в такую коммуникацию, номинируются единицами, подразумевающими эмоциональную окрашенность при употреблении в узусе: *сикуша* «сиктуха»; «сердитая, бранчивая баба»; *щелкуша* «бойкий говорун, болтливая бабенка; сплетница»; *говоруша* «говорунья, болтуня, любительница поговорить»; «разговорчивый, словоохотливый человек, чаще всего женщина»; *воркуша* «она сама воркуша, фсяко выругает, выкостит»; *исправуша* «укорно, плохой исправитель»; *декуша* «тот, кто глумится, издевается над кем-либо»; *балакуша* «балакарь, болтун, говорун»; *брякуша* «врун, пустомеля»; «женщина, которая говорит много вздорного, нелепого»; «болтушка»; *варакуша* «врун, вралья, пустоплет»; *калякуша* «говорун, болтун, краснобай или пустобай»; *лепетуша* «болтун, говорливый пустобай»; *вруша* «неодобр., склонный к хвастовству»; *переплетуша* «сплетник, -ница»; *толкотух(ш)а* «враль, пустомеля»; *талкуша* «болтливый человек»; *тырыкуша* «тырта, тыртыга, пустобай»; *тыркуша* «болтун, пустослов»; *хлопуша* «врун или хвастун, лгун, враль»; *щелкуша* «сплетница»; *щекуша* «щебетунья, болтушка»; *балякуша* «то же, что баляк, баляка»; *блекотуша* «болтушка (о женщине)»; *болтуша* «болтун, лгун»; «болтуня, лгунья»; *брехуша* «то же, что бреховка»; *вракуша* «лгунья»; *калякуша* «болтун, болтуня, пустомеля»; *плетуша* «о том, кто плетет, говорит несурзное, лжет или сплетничает»; *посекуша* «сплетник, сплетница»; «любитель переносить вести из дома в дом»; *тренькуша* «о пустомеле, пустозвоне»; *трепуша* «болтун, сплетник, лгун»; *дрызгуша* «брюзгливая женщина; сплетница»; *хвастуша* «сплетница»; *потрекуша* «о женщине, которая у любит поговорить, болтушка»; *чекуша* «словоохотливая женщина; болтушка»; *стригуша* «о человеке, надоедающем своей разговорчивостью и страстью к сплетням, клевете»; *лутуша* «лутый, неистовый человек, злодей, изверг по злобе».

Номинация человека по его отношению к еде подразумевает оценочный акт, коррелирующий с категорией греха чревобезия, описываемого Святыми Отцами: «Чревообъедение есть причина всех падений» (Творения иже во святых..., 2001, с. 49); «Если же будешь угождать чреву и излишне питать себя, то низвергнешься в пропасть блудной скверны, в огонь гнева и ярости, одебелишь и омрачишь ум, приведешь кровь свою в разгорячение» (Полное собрание..., 2002, с. 269). Дериваты со значением «чревоугодник» находятся на периферии эмпирического материала, что может говорить как о степени значимости такого отступления от канона принятия пищи православного человека, так и о продуктивности самого словообразовательного типа, постепенно утрачивающегося в системе русского национального языка: *брезгуша* «чересчур разборчивый, прихотливый на пищу, склонный брезговать»; «в ком малейшая неопрятность или недоброta пищи, даже сама беседа об этом, возбуждает сильное отвращение»; *глохтуша* «глот, обжора, пьяница»; *убируша* «человек, отличающийся отменным аппетитом; обжора»; *морнуша* «то же, что морилка (человек, который мало и без аппетита ест)».

Способность человека к созидательному труду в менталитете русского человека подразумевает труд коллективный, приносящий пользу и обеспечивающий возможность существовать для каждого члена социума. Именно поэтому «леность ко всякому доброму делу, в особенности к молитве, праздность, многоспание, забвение заповедей Христовых, нерадение, лишение страха Божия» (Полное собрание..., 2002, с. 612) диалектоносителем оценивается как поведение «недолжное», порицаемое: *разваруша* «вялый, ленивый человек, более баба»; *помыкуша* «шатун, бродяга»; «нищий от лени, праздности»; «тот, кто любит бродить без дела, шататься»; *побегуша* «праздный гуляка, охочий бегать от дела»; *бродуша* «кто бродит без толку, цели и дела»; *лутуша* «праздный гуляка, шатун, кто ходит, бродит везде без дела, или избегая дела, более ласково, хотя и укорно»; *мызгуша* «кто мызгает, во всех знач. (шататься, шляться, таскаться без дела взад и вперед; проводить время в побегушках)»; *наседуша* «сидень, кто прилежно сидит с работою на одном месте»; *порыскуша* «кто рыщет, гуляет, шатается, гостейничает»; *потаскуша* «негодяй, нищий, по лени, от праздности»; «потаскушничать также говор. в обоих знач.»; *потягуша* «лентяй, вялый, кто охотно тянется»; *растаскуша* «шатун, шатала»; *толкуша* «праздный человек, который суется, толчется без дела»; *таскуша* «потаскун, шатун, шатала, беспутный проедала»; *моргуша* «неумелая, ленивая женщина, любительница поговорить»; *облыкуша* «лентяй, бездельник»; *варакуша* «иногда говорят и вместо варака, плохой мастер»; «плохая и неопрятная стряпуха»; *опакуша* «неловкий, нерасторопный человек, несручный, у которого всякое дело из рук валится».

На периферии эмпирического материала находится пара диалектных дериватов, номинирующих человека с эмоциональной оценкой по его способности сдерживать гнев: *наглуша* «наглый человек, кто без стыда и при людях (наголо) делает зазорные вещи, требует буйно и прямо неправого и пр.»; *дикуша* «крайне недержанный, буйный, скандальный человек»; «а она взяла бутылку да каг даст об стену-ту! А он: ну, Маня, ты и дикая, вод дикая дикуша» (Архангельский областной словарь, 2001, вып. 11, с. 146). Негативное восприятие гневливого человека обосновывается толкованием страстей человеческих, например, «если попустишь сердцу твоему ожесточиться памятозлобием, и оправдаешь гнев твой гордостью твоею: то отворотится от тебя Господь Бог твой, и предан будешь в поспание под ноги сатане» (Полное собрание..., 2002, с. 221).

В мировоззрении православного человека к страстям человеческим относится грех уныния, вербализованный в русских народных говорах при помощи мотивирующей отглагольной основы, несущей основное

лексическое значение, и суффикса -уш/а, актуализирующего аксиологическую ценность человеческой способности оставаться стойким к жизненным перипетиям: *роптуша* «ропотень, кто ропщет»; *доньгуша* «всем недовольный, всегда жалующийся человек, старающийся казаться несчастным»; *надоедуша* «ворчливый, надоедливый человек». «Не дадим места унынию в сердцах наших, чтобы оно не отняло у нас возможности наследовать землю обетованную» (Полное собрание..., 2002, с. 235). Такое восприятие уходит корнями в основы христианской религии, что не является случайным, так как национальный менталитет как способ мышления, чувствования и образа жизни, ментальная культурная традиция формируются на фундаменте религиозного мировосприятия. «Жизнь христианина являет собой постоянное предстояние перед всевидящим оком Бога. Святые отцы учат: всегда помни, что тебе принадлежит только эта одна минута. И она должна быть исполнена самой искренней и сердечной любви к ближним – к тем, кто находится рядом, кто нуждается в твоём участии. Нравственная высота христианства – факт очевидный и неоспоримый» (Чухно, 2002, с. 297).

Система взаимоотношения человека и веры включает в себя плоскость рассмотрения такой категории, как «сила веры», что связано с наличием в картине мира православного христианина представления о том, что болезнь и избавление от нее напрямую зависят от того, насколько сильно человек верит.

«И прошел о Нем слух по всей Сирии; и приводили к Нему всех немощных, одержимых различными болезнями и припадками, и бесноватых, и лунатиков, и расслабленных, и Он исцелял их» (Мф. 4:24). При таком рассмотрении человек, болеющий долгое время, оценивается носителем диалекта как отступивший от веры, верующий не в должной степени, потому при его номинации выбираются словообразовательные единицы, способствующие созданию негативной коннотации дериватов: *покликуша*, *кликуша* «болезнь кликанья и одержимая ею»; «кликнуша-то и выкликнула свою заклятицу»; *крикуша* «припадочная, больная истерией женщина»; «бесноватый, порченый человек»; *дрягуша* «кого дергает, корчит, судорожно подергивает»; *дергуша* «человек, одержимый дерготой, которого бесперечь подергивает»; *дрягуша* «о том, кого корчит, судорожно подергивает»; *мертвуша* «приговоренный больной, безнадежный, умирающий, живой покойник», «человек духовно мертвый, животное»; *гнилуша* «человек, болеющий сифилисом»; *мизгуша* «о том, кто чувствует недомогание или плачет»; *неркуша* «о неврастенике»; *посекуша* «тот, кто часто мочится»; *моргуша* «больной, хилый, еле живой»; *обмируша* «кто обмирал или был в обмороке»; *психуша* «неуравновешенный, несдержанный человек, психически больной человек»; *дикуша* «слабоумный, неразвитый человек»; «дикуша – это неразвитый человек или малоспособный».

Человек в системе ценностей, относящихся к религиозному мировоззрению, представлен в совокупности его семейных связей, имеющих важное значение для носителей русской культуры: «Ежели кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (Творения иже во святых..., 2001, с. 58). Именно поэтому диалектный дериват *бегуша* со значением «женщина, ушедшая от мужа» приобретает негативную коннотацию в контексте функционирования в узусе носителя диалекта: «...мало уходили от мужа, так и звали: бегуша, така и кличка будет: бегуша». «Традиционный для русского самосознания взгляд на семейно-брачные отношения, на воспитание молодого поколения связан непосредственно с христианским мировоззрением, аксиологическая система которого лежит в основе создания семьи» (Рудавина, 2022, с. 163). Воспитание детей в семье оценивается как важная обязанность православного христианина, пренебрежение которой наносит вред подрастающему поколению, что находит свое оценочное отражение в диалектной лексике: *балуша* «баловник и баловень»; «избалованный, шалун»; *захвалуша* «кого захвалили, испортили всегдашней, излишней похвалой». «Некоторые родители так нежно и слабо детей своих воспитывают и держат, что не хотят их за преступления наказывать и так бесстрашно и своевольно им попускают жить; другие безмерную строгость употребляют и более гнев и ярость свою над ними совершают, нежели наказывают их. Оба – и те, и другие – погрешают» (Симфония по творениям..., 2007, с. 72).

«При разнообразии содержания, какое имеет религиозная жизнь у разных народов, в разное время, сама по себе религиозная функция является неотъемлемой, неустранимой общечеловеческой силой души, принадлежащей к самой природе души» (Зеньковский, 2001, с. 63). Отражение христианских постулатов в процессе номинации человека носителями диалекта и православного сознания представляется закономерным, так как рассматриваемые нами производные слова являются продуктом ментальной деятельности русскоговорящего населения России, придерживающегося христианства как одной из древнейших форм религии.

Заключение

К выводам настоящего исследования следует отнести положение об актуализации аксиологического потенциала диалектных дериватов при помощи словообразовательного форманта -уш/а, выступающего средством маркирования, «стигматизации» людей, в своих поступках, образе жизни, поведении вызывающих негативное отношение со стороны других членов коллектива.

Следующим выводом является заключение о наличии прямой связи между текстами Библии и Святых Отцов, выступающими в качестве опорного суждения о «должном/недолжном» поведении человека в системе ценностей православного мира, и вербализованной оценкой, заложенной диалектоносителем в процессе номинации людей, которые в своей повседневной деятельности проявляют качества или совершают поступки, находящиеся за рамками категории «норма» для православного человека.

Наконец, пейоративность оценки, вычлениваемая из словарных статей, говорит об основной функции производных слов с формантом -уш/а в аксиосфере православного человека – номинировать человека, исходя

из совокупности представлений о различных аспектах ценностных ориентаций, в числе которых «семья», «дети», «труд», «взаимопомощь» и «вера».

Перспективы дальнейшего исследования проблемы соотношения языка и религии определяются спецификой диалектной подсистемы русского национального языка, предполагающей актуализацию культурного наследия русского народа и особенностей его менталитета.

Источники | References

1. Дубровина С. Ю. Образность мифопоэтических представлений народного христианства в русском языке // Вестник Тамбовского университета. Серия «Гуманитарные науки. Проблемы современной филологии». 2011. № 12 (104).
2. Дубровина С. Ю. Особенности морфемной структуры диалектных слов в тамбовских говорах // Филологическая регионалистика. 2009. № 1-2.
3. Зеньковский В. В. Основы христианской философии. М.: Раритет, 2001.
4. Карасик В. И. Нормы поведения в языковой картине мира // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». 2019. № 4.
5. Кузьмина М. А. Междисциплинарные основания исследования оценочных ассоциативных доминант // Сибирский филологический журнал. 2022. № 3.
6. Кузьмина М. И. Концептосфера рассказа И. А. Бунина «Святые» // Ученые записки Казанского университета. Серия «Гуманитарные науки». 2021. Т. 163.
7. Мечковская Н. Б. Язык и религия. М.: Гранд, 1998.
8. Милованова М. С. Общая и русская аксиология // Научные исследования и разработки. Современная коммуникативистика. 2021. № 5.
9. Небера М. В. Аксиологическая доминанта «семья»: специфика представления в лингводидактическом дискурсе (на материале учебников по русскому языку как иностранному) // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2023. Вып. 1 (225).
10. Общая и русская лингвоаксиология: коллективная монография / отв. ред. М. С. Милованова. М. – Ярославль: Канцлер, 2022.
11. Одиноченко В. А. Религиозная идентичность в современной Беларуси: проблема формирования // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. № 6-1.
12. Рацибурская Л. В. Социально значимые слова в современных деривационных процессах // Мир русского слова. 2020. № 2.
13. Рудавина Т. А. Христианские аксиологические основания современных внутрисемейных отношений в условиях глобализации // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2022. Т. 8. № 3.
14. Русакова Е. А. Русская религиозная этика и биоэтика: схождения и расхождения // Исторические корни российской ментальности: мат. всерос. науч. конф. Томск, 2002.
15. Фелисков С. В. Имена существительные религиозной семантики на -ние в русском языке XVIII века: лексико-грамматический и семантический аспекты анализа // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 1.
16. Чухно Т. А. Религиозные основы российского менталитета // Исторические корни российской ментальности: мат. всерос. науч. конф. Томск, 2002.

Информация об авторах | Author information

RU**Катышев Павел Алексеевич¹**, д. филол. н., проф.**Лушпей Анастасия Александровна²**¹ Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина, г. Москва² Кемеровский государственный институт культуры**EN****Katyshev Pavel Alekseevich¹**, Dr**Lushpey Anastasia Alexandrovna²**¹ A. S. Pushkin State Institute of the Russian Language, Moscow² Kemerovo State Institute of Culture¹ katpa@rambler.ru, ² ana1534@ya.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 21.03.2023; опубликовано (published): 17.05.2023.

Ключевые слова (keywords): русские говоры; производная лексика; аксиология; православие; Russian subdialects; derivative vocabulary; axiology; Orthodoxy.